

РЕЦЕНЗИИ

Наиль Фархатдинов*

Техника и наука как «идеология»: через 40 лет на русском языке

**Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» /Пер. с нем. М.Л.Хорькова.
М.: Практикс, 2007. – 208 с.**

Habermas Jurgen. Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1968.

В 2007 году в издательстве «Практикс» вышел перевод сборника трудов немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса «Техника и наука как “идеология”». Сборник содержит ряд статей, в которых с разных точек зрения анализируется, как сказано в аннотации, проблематика «отношений между теорией и практикой в условиях современной научно-технической цивилизации». Безусловно, при чтении работ, вошедших в данное издание, необходимо представлять себе, в какое время они были написаны. Это 60-е годы, ознаменованные студенческими волнениями и бурным развитием критической теории.

Сборник организован следующим образом. В первую очередь Хабермас уделяет внимание философским основаниям социологической проблематики, разбирает некоторые идеи Гегеля, касающиеся теории и практики, затем рассматривает проблематику рационализации современного мира, а в конце вновь обращается к исключительно философским источникам и, опираясь на Шеллинга и Гуссерля, с несколько иных позиций анализирует обозначенную выше проблематику в инаугурационной речи «Познание и интерес»¹. Центральной в сборнике является одноименная статья, которая, по словам Хабермаса, носит экспериментальный характер, поскольку требует своего рода дальнейшей проработки, а идеи, обсуждаемые в ней, нуждаются в «эмпирической проверке». Этим, в том числе, определяется и фрагментарность книги, на что автор указывает в «Предварительных замечаниях». Хабермас отмечает, что статьи, затрагивающие философские основания его концепций, в частности, первая статья сборника, в которой, опираясь на Гегеля, он выводит соотношения трех «диалектических образцов» – труда, интеракции и языка, предваряют его социологические выводы относительно позднекапиталистического общества.

Упомянутая статья представляет особую социологическую ценность. С одной стороны, она содержит размышления над тезисом Г. Маркузе. Это выглядит как своего рода диалог с одним из представителей старшего поколения Франкфуртской школы. Однако, с другой стороны, речь идет о проблеме, которая напрямую связана с классической социологией, – проблеме рационализации. Текст был написан как ответ на утверждение Маркузе, что «освобождающая сила технологии [...] превращается в пути освобождения, становясь инструментализацией человека»² (с.7). Маркузе использует достаточно

---

* Фархатдинов Наиль Галимханович – магистрант 1 года, стажер-исследователь Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ.

© Фархатдинов Наиль, 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

¹ В этой лекции Хабермас рассматривает соотношение теории и практики с точки зрения различных наук: эмпирико-аналитических, историко-герменевтических и социальных.

² Отметим, что и Маркузе, и Хабермас говорят именно о технике, понимаемой достаточно широко: не столько как совокупность машин и механизмов, сколько как совокупность рациональных приемов овладения миром.

популярный риторический прием, который с тем же успехом может быть применен к самим марксистам и критической теории, – видеть за освобождением очередное ограничение свободы, завуалированное благими целями и намерениями.

В центре обсуждения – веберовская проблема рациональности. Точкой опоры для рассуждений Хабермаса является переосмысление, предпринятое Маркузе в отношении рациональности. Если, по Веберу, рациональность предполагала в большей степени расширение сферы целерационального действия, то Маркузе говорит о том, что формальное понятие рациональности «обладает определенными содержательными импликациями» (с.51), а это означает установление политического господства параллельно расширению сферы данной формы действия. Таким образом, рационализация для Вебера – это процесс, требующий соответствующего технического уровня, тогда как Маркузе расширяет понимание до «скрытой» идеологии, когда техническая сторона становится определяющей и идеологической по содержанию. Наука, в свою очередь, оказывается приспособленной для реализации «технической идеологии», так как «теоретический операционализм в конечном счете соответствовал операционализму практическому» (с. 55). Тем не менее, даже расширяя толкование рациональности, Маркузе, по мнению Хабермаса, не доводит дело до логического конца и «капитулирует» перед проблемой, обсуждение которой и занимает основную часть работы.

Институт науки держится на господстве над природой и господстве над человеком, образующих уникальный исторический проект Науки. Их «революционизация» должна предшествовать «эмансипации», что предполагает изменение отношений науки и техники и возникновение нового, «исторически необходимого» проекта. Проблема, которую обозначает Хабермас, состоит в том, что создание нового проекта Науки предполагает и иную, новую Технику. Хабермас же, последовательно рассматривая геленовскую идею о связи целерационального действия и технического развития, показывает, что «какой-то качественно иной техники» быть не может (с.60). Другими словами, Маркузе стремился сделать рациональность относительным понятием (в терминах Хабермаса, «проектом»), но ни он, ни критикуемый им Вебер не предложили понятия, которое могло бы охарактеризовать переход к современности, «когда рациональная форма науки и техники, то есть воплощенная в системах целерационального действия рациональность, расширяется до жизненной формы, до “исторической тотальности” жизненного мира» (с.63).

Неудовлетворенность этим «релятивизмом» заставляет Хабермаса предложить другую схему анализа, другой подход к классической проблеме социологии – к вопросу о переходе от традиционного к современному обществу. Он выдвигает собственные альтернативные обозначения: интеракцию (коммуникативное действие) и труд (целерациональное действие), и выделяет два типа систем: *институциональные рамки общества и подсистемы³ целерационального действия*. Для традиционных обществ, пишет Хабермас, характерно доминирование культурных традиций, основанных как раз на интеракции (институциональные рамки общества), а переход к современным обществам становится возможным в том случае, если подсистемы целерационального действия выходят за «границы легитимирующей действительности» культурных традиций (с. 73). В обществах, вступивших в модернизационный период, возникает экономическая легитимация, которая и позволяет Хабермасу говорить в терминах «рационализации» в смысле М. Вебера. Он различает два уровня рационализации: снизу, когда происходит адаптация на уровне производства, и сверху, когда речь идет о давлении науки, сменяющей традицию («космологические интерпретации мира»).

Хабермас соглашается с утверждением Маркузе, что нельзя применять веберовское понятие рационализации по отношению к позднекапиталистическому обществу. Он

Неудачный перевод английского «technology» как «технология» не позволяет обнаружить это общее для Маркузе и Хабермаса понимание техники. – *Прим.ред.*

³ Речь идет о подсистемах, но в переводе – подсистемы. – *Прим.ред.*

отмечает, что последняя четверть XIX века ознаменована двумя тенденциями: «1) усилением интервенционистской активности государства, которая должна была гарантировать стабильность системы, и 2) растущей взаимозависимостью научных исследований и техники, превратившей науку в главную производительную силу» (с. 81)⁴. Именно эти две тенденции, считает теоретик, способствуют возникновению ситуации, которая отличается от либерально развивающегося капитализма, и в которой именно наука и техника приобретают легитимирующую функцию господства.

Как отмечает Хабермас, до XIX века наука и техника не были столь сильно связаны, развитие шло параллельно; а возникновение «онаученной техники» – результат перехода к позднекапиталистической системе. «Техника и наука становятся первостепенной производительной силой» (с. 88).

В свете обозначенных тенденций Хабермас переосмысляет два основных понятия классического марксизма – «классовую борьбу» и «идеологию». По его мнению, в технократическом обществе классовый конфликт не столь очевиден, так как основной интерес или предмет конфликта уже не находится в экономической сфере (сфере подсистем целерационального действия). Более того, этот конфликт – не только латентный по своей сути, но и «умиротворенный», так как «система позднего капитализма в [...] значительной степени определена сохраняющей лояльность масс наемного труда политикой возмещения ущерба, то есть политикой предотвращения конфликтов» (с. 93). Иначе говоря, если переложить это высказывание с жутковатого языка перевода на более или менее внятный русский язык, наемные рабочие при капитализме умиротворены, им компенсирован тот ущерб, который наносит наемный труд их здоровью и благополучию, и потому они политически лояльны. В свою очередь, политическая лояльность трудящихся масс является основанием для того, чтобы капитализм сохранялся и его подсистемы рационального действия продолжали функционировать.

Далее, научно-технический прогресс становится основанием *всякой* идеологии, и поэтому об идеологии мы можем говорить также с определенной долей условности. Поскольку «научно-техническая» идеология затрагивает категории, касающиеся человеческого рода в целом, то, с одной стороны, идеология, держащаяся на принципах технократического сознания, «менее идеологическая» в традиционном смысле слова, но с другой стороны, проблема освобождения от идеологии становится неразрешимой, так как это речь идет уже не об интересах социально-экономического класса, но о чем-то, что присуще человеческому роду в целом. Освободиться от идеологии значило бы освободиться от определенной антропологической конструкции.

Следовательно, необходимо рассматривать иным образом и «освобождающую силу» рационализации. Освобождение в таком случае возможно, только если рационализация на уровне так называемых подсистем целерационального действия (где научно-технический прогресс уже занял доминирующие позиции и диктует дальнейшее направление развития) не перейдет в рационализацию на уровне институциональных рамок, регулирующих коммуникативное действие. Хабермас выделяет два уровня рационализации. Первый уровень – рационализация сверху – касается подсистем целерационального действия, второй – рационализация снизу – относится к институциональным рамкам. Именно на уровне интеракции возможна (или необходима) «публичная, неограниченная и свободная от господства дискуссия о приемлемости и желательности ориентирующих в действии основоположений и норм в свете социокультурных обратных воздействий прогрессирующих подсистем целерационального действия» (с. 110). Таким образом, рационализация на одном уровне должна соответствовать рационализации на другом.

---

⁴ Здесь мы можем снова посетовать на качество перевода. Очевидно, что не техника превратила науку в производительную силу, а взаимозависимость научных исследований и техники, но выражено это неловко и двусмысленно. – *Прим.ред.*

Парадокс заключается в том, что на вопрос о возможности подобного развития, Хабермас не в состоянии дать хоть какой-то удовлетворительный ответ. Это принципиально невозможно. И вообще ответ на вопрос о том, возможно реализовать рационализацию на всех уровнях, можно получить лишь в ситуации «неограниченной коммуникации относительно целей житейской практики, тематизации которых поздний капитализм, структурно зависящий от деполитизированной общественности, всячески сопротивляется» (с. 112).

В заключение Хабермас обращается к анализу групп учащихся и студентов, положение которых обусловлено тремя моментами.

Во-первых, студенты представляют собой группу, чьи интересы не могут быть удовлетворены существующими системами компенсаций. Во-вторых, основания легитимации, предлагаемые в качестве доминирующих, подвергаются сомнению со стороны студенческих активистов. В большей степени это касается студентов, обучающихся на факультетах социальных наук или филолого-исторического профиля, поскольку они «обладают стойким иммунитетом, потому что как на одних, так и на других факультетах – хотя по разным мотивам – первичный опыт собственной научной работы не согласуется с технократическими основоположениями» (с. 114). И, наконец, в-третьих, у студентов борьба сосредоточена не вокруг «увеличения доходов и свободного времени, а скорее вокруг «самой категории “компенсации”» (с. 115). По мнению Хабермаса, должен появиться повод в виде «неразрешимой системной проблемы», который позволит активным студентам стать политической силой. В качестве гипотезы он предполагает, что в конечном счете конфликт возникнет между статусами, которые присваиваются в обществе, и «механизмом оценки индивидуальных достижений». Другими словами, усложняющаяся технократическая структура не позволит однозначно выявить связь между ними.

Вернемся к началу рассуждений Хабермаса и подытожим анализ. Предлагаемое Маркузе расширение понятия «рационализация», которое ввел Вебер, влечет за собой проблему релятивизации рациональности. Наука и техника, выступающие как выражение этой рационализации, требуют, в свою очередь, «революционализации» (для дальнейшего освобождения), но это невозможно. Следовательно, необходимо рассмотреть с другой точки зрения само понятие «рационализация»; выделить в нем несколько уровней, чтобы обозначить «свою», специфическую рационализацию для институциональных рамок и subsystem целерационального действия. Субъектом «борьбы» за такую рационализацию (особенно по отношению к институциональным рамкам) является активное студенчество, которое, напомним, к моменту написания книги заняло «революционные позиции», до этого приписываемые пролетариату. Иными словами, сохраняя общее направление, присущее марксизму, Хабермас пытается заново поставить классические вопросы классовой борьбы и идеологии в условиях позднекапиталистического или, по его терминологии, технократического общества, в котором главными производительными силами стали наука и техника.

Остается только понять, почему именно сейчас, спустя почти 40 лет, книга издана на русском языке, в то время как другие труды (возможно, более ожидаемые) остались непереуведенными? Можно, конечно, найти соответствующие околополитические референции в нашей жизни, для которых Хабермас с его идеей «студенческого спасения» кажется сегодня очень актуальным. Несколько смущает то, что перевод и издание работ Хабермаса в целом носит несистемный характер. Так, до сих пор не переведен его труд «Теория коммуникативного действия», идеи которого так или иначе транслированы в других его работах (в рецензируемом сборнике мы можем обнаружить зачатки этих идей) и в фрагментах монографий российских исследователей.

Попытаемся найти ответ на поставленный вопрос в текстах Хабермаса. Его идеи относительно роли науки и техники в обществе, применительно к нынешней ситуации кажутся сомнительными. Разумеется, все мы одинаково зависим от достижений науки и техники. Но очевидно, что наука уже давно занимается вещами, которые стали недоступны

для понимания человека, не включенного в процесс «производства» научных фактов. И дело не в обмане или фальсификации.

Наука и техника вновь оказались по разные стороны; техника практически сама способна развиваться и быть независимой от научных исследований (как в естественно-научной, так и в гуманитарной сферах). Более того, можно обнаружить примеры «отехниченной» науки, например, в Южной Корее, где большинство научных исследований подчинено не каким-то внеположенным исследовательским задачам, а корпоративным запросам предприятий. Показательной в этом отношении является ситуация в гуманитарной сфере, когда факультеты, на студентов которых Хабермас возлагал надежды, выпускают не ученых-исследователей, а именно «прикладников», имеющих определенные навыки для осуществления технических операций. Тем самым «необозначенный» разрыв может вполне легко быть осуществлен, и это не приведет к исчезновению науки или техники. Во многом они стали достаточно влиятельной идеологией, но уже вполне традиционной. В этом ключе работа Хабермаса выглядит, конечно, несколько устаревшей, но позволяет проследить развитие ситуации.

И, тем не менее, появление книги на русском языке – безусловно, событие. Для занимающихся социологической проблематикой рациональности, для интересующихся критической теорией, в целом. Подчеркнем еще раз, что в центре рассуждений Хабермаса находится проблема, без которой немислимо рассуждение о современности. Роль науки и техники, рассмотренная автором с критической позиции, редко оказывается в фокусе внимания исследователей, и поэтому книга может быть полезна, в первую очередь, для социологов науки и техники.

В заключение хотелось бы отметить работу художника, который поместил на обложку фигуры ученых в белых халатах. Один из них держит в руке прибор, по всей вероятности, измеряющий уровень радиации, – дозиметр, направленный на название книги «Наука и техника как “идеология”». Может быть, таким образом воспроизводится опасение Хабермаса, что в позднекапиталистическом обществе, в эпоху научно-технического прогресса всякая коммуникация относительно оснований этого общества становится невозможной в силу непреодолимых ограничений коммуникации. Но столь ли важно и актуально это предупреждение для современного читателя?